

Умъ борзой. — Для настоящихъ охотниковъ, которые, въ силу своей любви къ собакамъ, настолько изучили ихъ, что умъ и другія благородныя свойства борзыхъ имъ хорошо извѣстны, въ этомъ отношеніи не требуется доказательствъ, но публика, какъ я недавно имѣлъ случай убѣдиться, считаетъ и по сіе время рассказы нашего брата, псового охотника, объ умѣ борзыхъ за вымыселъ, или за увлеченіе любимыми животными и почему-то упорно продолжаетъ вѣрить тѣмъ натуралистамъ, которые необдуманно пустили въ ходъ басню о глупости борзыхъ.

Съ 1885 по 1872 годъ за мною рыскалъ псовый полевой кобель *Швырокъ* (дѣдъ моихъ *Ерзы*, *Удачи* и *Блестя* отъ *Кары*). Въ 1868 году болѣзнь ногъ настолько уже парализовала у меня мышечную систему, что продолжать ѣздить верхомъ я уже не могъ и принужденъ былъ по волѣ судьбы промѣнять удалую ѣзду на рѣзвомъ и совкомъ конѣ на трясучее и неповоротливое движеніе въ долгушкѣ.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ,—говорю 3-хъ лѣтъ, а не 3-хъ осеней, потому что въ тѣ времена, когда я еще ѣздилъ верхомъ, я охотился и зимой, и весной, и даже отчасти лѣтомъ и не столько умудренный опытомъ, сколько принужденный болѣзнію, я лишь въ этомъ году сталъ охотиться правильно осенью и началъ читать наставленія здоровымъ охотникамъ о вредѣ охоты не-во-время—привыкнувъ, говорю, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, что къ пойманному зайцу я всегда прискакивалъ самъ и бралъ его у собакъ,—*Швырокъ* удивился и какъ-бы сконфузился, когда борзятникъ взялъ у него зайца и отвезъ ко мнѣ на долгушку. Къ долгушкѣ *Швырокъ* не то что скоро привыкъ, а тотчасъ-же пошелъ за нею. Онъ былъ не изъ тѣхъ собакъ, которыя знаютъ лучше лошадь, чѣмъ охотника, и рыскалъ-бы за мною во всякомъ случаѣ, какъ-бы я ни измѣнялъ способы вабы. Идти на сворѣ у меня, сидящаго на долгушкѣ, онъ тоже пошелъ-бы немедленно и очень толково; другой кобель моей своры, *Лебедь*, нѣсколько времени удивлялся и бочился. Второго зайца, котораго поймали мои собаки, *Швырокъ* уже не далъ взять борзятнику, и при его приближеніи подхватилъ зайца и, во всѣ ноги прискакавъ ко мнѣ, подалъ его мнѣ на самую долгушку. Съ тѣхъ поръ ни одного зайца и даже лисицы, пойманныхъ имъ или *Лебедемъ*, онъ не отдавалъ никому и неукоснительно тащилъ ко мнѣ. Ежели случалось поймать въ опушкѣ—все равно принесетъ, накроетъ стая, вырветъ почти всегда, перевернувъ непокорныхъ, и во весь духъ примчить ко мнѣ. Сообразилъ молодецъ, что хозяинъ почему-то не можетъ, или не хочетъ самъ брать зайцевъ, и пять осеней, до конца своего поприща, аккуратно приносилъ къ моей долгушкѣ все, что ловилъ.

Н. П. Ермоловъ.